

БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ КАК ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ ПОЗДНЕГО БРЕЖНЕВИЗМА И 1990-Х ГГ. (ПЕТР АВЕН «ВРЕМЯ БЕРЕЗОВСКОГО»)

ХАНИН ГИРШ ИЦЫКОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Сибирский институт управления – РАНХГС при Президенте РФ,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: khaning@yandex.ru

В книге Петра Авена сквозь призму жизни одного из крупнейших российских олигархов 1990-х гг. Бориса Березовского анализируется развитие позднего советского общества. Книга представляет собой серию интервью Петра Авена с видными деятелями политического, экономического и медийного мира России 1990-х гг., хорошо знавшими Березовского на различных этапах его жизни – от сотрудника советского научного института до эмигранта в Англии. В процессе этих бесед выявляются особенности политической жизни и морального климата общества в эти периоды. Выявляется период позднего брежневизма как предпосылки рыночных преобразований и имморализма 1990-х гг. Это проявлялось в функционировании сферы научной деятельности и взаимодействии научной сферы с остальным обществом. Прослеживается процесс формирования олигархической империи Березовского во взаимосвязи с приватизацией государственного сектора экономики и залоговыми аукционами. Показываются механизмы проникновения Березовского в Кремль и его роль в важнейших событиях ельцинского периода и восхождения Владимира Путина. На основе фактов биографии Березовского определяются личные качества, содействовавшие его подъему на экономический и политический олимп, и последующее низвержение. Подчеркивается, что его восхождение стало возможным благодаря примитивизму политической жизни России в 1990-е гг., а низвержение – по причине смены революционной фазы развития современного российского общества эволюционной фазой в конце 1990-х – начале 2000-х г. и непонимания российского и западного обществ. Последним объясняется крах попыток Березовского в эмиграции воздействовать на российское общество и постсоветское общество 90-х гг.

Ключевые слова: Борис Березовский; СССР в период брежневизма; Россия в 1990-е гг.; советская наука; возникновение капитализма в 1990-е гг.; приватизация в России; олигархический капитализм в современной России.

BORIS BEREZOVSKY AS THE MIRROR OF LATE BREZHNEVISM AND THE 90S. («BEREZOVSKY TIME» BY PETER AVEN)

GIRSH I. KHANIN,

Doctor of Economics, Professor,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Siberian Institute of Management,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: khaning@yandex.ru

In the book of Peter Aven, the development of the late Soviet society and society of the 90s is analyzed through the life of Boris Berezovsky, one of the largest Russian oligarchs of the 90s. The book is a series of interviews of Peter Aven with prominent political figures, economists and journalists in Russia in the 90s who knew Berezovsky well at various stages of his life from a researcher at a Soviet scientific institute to emigration in England. These conversations reveal the features of political life and the moral principles of society in these periods. The period of late Brezhnevism is revealed as a prerequisite for market transformation and immorality of the 1990s. This was manifested in the functioning of science and the interaction of the scientific sphere with the rest of society. The process of the formation of Berezovsky's oligarchic empire is traced in conjunction with the privatization of the public sector of the economy and mortgage auctions. It shows the mechanisms of how Berezovsky penetrated the Kremlin and its role in the most important events of the Yeltsin period and the ascension of Vladimir Putin. On the basis of Berezovsky's biography, his personal qualities are determined, which contributed to his rise to the economic and political Olympus and its subsequent overthrow. His ascent was made possible by the primitiveness of Russian political life in the 1990s, and the overthrow was due to the transition to the evolutionary phase in the late 1990s and early 2000s. The latter explains the failure of Berezovsky's attempts at emigration to influence Russian society.

Keywords: Boris Berezovsky; late USSR; Russia in 1990s; Soviet science; the emergence of capitalism in Russia; privatization in Russia; oligarchic capitalism in modern Russia.

JEL: Y30, N14, P37, L33

Введение

Книга Петра Авена (2018) является, по-моему, одним из самых значительных изданий о позднем СССР и России 1990-х гг. В ней сквозь призму биографии Бориса Березовского анализируется история современной России и в какой-то степени и позднего СССР. Авен считает Бориса Березовского знаковой фигурой для России 1990-х гг. и поэтому решает возможным именно через его судьбу исследовать историю этого определяющего периода современной российской истории.

Это не первая книга о Борисе Березовском в России. Начало положено романом Юлия Дубова (2002) «Большая пайка», по которому был снят фильм «Олигарх» с Владимиром Машковым в главной роли. Вскоре – нашумевшая книга американского журналиста Павла Хлебникова (2001). С небольшим интервалом глава в книге американского журналиста Дэвида Хоффмана (2007). Наконец, в 2007 г. книга близкого к российским спецслужбам журналиста А. Хинштейна (2007). И бесчисленное количество статей в российской и западной печати. Огромное внимание к этой фигуре говорит о многом.

И вот еще одна, уже после смерти Березовского. Книга очень оригинально построена. Ведущая роль Авена в ней несомненна, хотя его соавторами были

многие известные деятели 1990-х гг. Он написал общее предисловие и вводные статьи ко всем шести главам, в которых последовательно рассматриваются периоды профессиональной и личной жизни Березовского. Для каждого периода Авен приглашает людей, которые тесно с ним контактировали именно в это время. Книга представляет собой запись этих бесед. Именно бесед, поскольку Авен не просто задает вопросы своим собеседникам, но и активно с ними взаимодействует, часто полемизируя с их высказываниями и тем самым заставляя их уточнять свои оценки. Наконец, книга завершается подборкой общих оценок Бориса Березовского участниками интервью. В каждой главе имеется хронология событий в жизни Березовского и страны в тот же период.

В качестве приглашенных для беседы выступили несколько видных государственных деятелей и руководителей крупнейших частных компаний России 1990-х гг. и начала XXI в. Назову руководителей Администрации Президента РФ – «серых кардиналов Кремля»: Чубайса, Юмашева и Волошина, управляющего «Сибнефти» Швидлера. Сам Авен какое-то время был министром, а затем возглавлял (и возглавляет до сих пор) один из крупнейших и успешных частных банков России, был лично близок со многими руководителями российского государства, включая В. В. Путина. Я назвал его ученым, поскольку долгое время научная сфера была основной областью его деятельности в 1980-е гг. и он не прекращает ею заниматься (в конце книги помещены две его научные статьи конца 1990-х гг.). Но сами его высказывания в разных местах книги говорят о том, что он анализирует российскую историю и действительность как ученый. Среди авторов – коллеги Березовского в разные периоды его жизни и его жены. Приглашены не все знающие его. Только те, кто в те или иные периоды были с ним дружны. Среди героев книги нет лучше всех знавшего его Романа Абрамовича. Многие могли бы рассказать покровительствовавший Березовскому многие годы Александр Коржаков и бывший премьер-министр Сергей Кириенко. Нет и Владимира Владимировича Путина, много лет хорошо знавшего Березовского и многим ему обязанного. Это, конечно, придает книге несколько односторонний характер. Хотя негативных оценок Березовского и «его времени» в ней хватает. Это особенно примечательно, поскольку Авен был многолетним другом Березовского и достаточно активно содействовал его научной и политической карьере.

Я построю свою рецензию как анализ мнения авторов книги на отдельные этапы истории СССР и современной России и жизни Березовского в эти периоды.

1. Советское общество и советская наука

Книга начинается с воспоминаний о деятельности Березовского как научного работника в Институте проблем управления АН СССР. Они весьма колоритны, позволяют воссоздать облик научной жизни в СССР в период позднего брежневизма и проливают свет на многие причины краха СССР.

Институт проблем управления АН СССР – один из крупнейших в системе АН СССР технических институтов, основанный в 1939 г., своей основной сферой деятельности имел автоматизацию управления технических систем. Среди его основоположников и видных сотрудников много громких имен советской науки и техники (упомяну только академиков Н. Н. Лузина и А. А. Андропова). В период Березовского институт уже много лет возглавлял академик В. А. Трапезников (дворянского происхождения), достигший высокого положения в управлении наукой в СССР в качестве первого заместителя Госкомитета по науке и технике СССР. Иными словами, речь идет об одном из лучших по советским меркам научных центров СССР. О чем говорило и место евреев среди его научных сотрудников. Скорее всего, это было наследие прошлого, когда еще ценили научные и технические результаты. По свидетельству Хинштейна (2007, с. 21), в начале 1970-х гг. в институт евреев уже брали неохотно. Особенно если у них не было

выдающихся учебных и научных успехов, как у Березовского (*Хинштейн, 2007, с. 18–20*). Помог вездесущий в СССР блат (*Там же, 2007, с. 22*).

В ИПУ Березовского определили в лабораторию системного проектирования. Она занималась оптимизацией технических объектов. В технике Березовский понимал, если не считать вычислительную технику, мало. Оставалась математика. О применении математических методов по объекту оптимизации можно было, как это ни смешно, в СССР тогда знать самый минимум. При том, что обе его диссертации шли по техническим наукам, именно математическая их часть была основной. В этом и состояла хитрость: технари были не сильны в математике.

Каким же математиком был Березовский? Приведу мнение его соратников и Авена. Его коллега по лаборатории Александр Гнедин говорил, что он синус от косинуса не мог отличить (*Авен, 2018, с. 104*). И объясняет: «У человека не было математического образования» (*Там же, с. 104*). Его ближайший коллега Сергей Борзенко на вопрос: «Насколько Борис был квалифицированным, профессиональным?» отвечает: «Он был достаточно квалифицированным, чтобы создать впечатление» (*Там же, с. 86*). Прославивший его Юлий Дубов: «Не думаю, что у Березовского была какая-то репутация как математика» (*Там же, с. 64*). Он же: «Я не понимаю, как он мог написать две свои диссертации» (*Там же, с. 67*). Авен: «Борис был плохим математиком» (*Там же, с. 32*). Эмигрировавший в США в 1980 г. Виталий Гринберг подробно рассказывает, как Березовского мучило ФБР, подозревая в нем советского шпиона, поскольку на своих лекциях в американских университетах он не мог ответить ни на один вопрос (*Там же, с. 79–81*). И вот здесь начинается самое интересное: каким образом при таком низком профессионализме Борис Березовский стал кандидатом и доктором наук, а в 1991 г. даже членом-корреспондентом РАН. И это уже речь о советской науке позднего брежневизма.

На вопрос о реальных авторах диссертаций в качестве версии отвечает Хинштейн, и эта версия не была никем опровергнута, а даже подтверждена в книге Авена, где только назывались другие имена: «Обе диссертации Березовский готовил не сам: кандидатскую писал за него приятель юности Михаил Денисов. Докторскую – другой приятель, сослуживец по ИПУ Александр Красненкер» (*Хинштейн 2007, с. 27*). При этом все собеседники Авена отмечают умение Березовского ставить проблемы, что, конечно, требует определенной квалификации.

Проследим всю цепочку событий. Блат при поступлении. Чужая диссертация. Не та специальность. На каждом этапе при нормальном научном процессе можно было споткнуться. Почему не был задан вопрос о правомерности защиты не по той специальности? Как отвечал на вопросы? Те ли задавались вопросы?

Самый общий ответ на эти вопросы дает Александр Гнедин, правда, недолго проработавший в ИПУ, но из контекста, следивший за работой Березовского и в США: «В институте было две тысячи человек. Из них занимались наукой – настоящей наукой – человек 50. Я имею в виду серьезную науку, которую сегодня цитируют» (*Авен, 2018, с. 98*). Юлий Дубов обобщает: «Советская наука представляла собой возможность спокойного существования и ничегонеделания и в то же время возможность стремительного взлета, если работаешь» (*Там же, с. 66–67*). Я бы добавил: или создаешь видимость работы, как у Березовского.

Многие собеседники Авена раскрывают действительные источники процветания Березовского в ИПУ. Они коренились в особенностях научного процесса в позднем СССР, который был связан преимущественно с хорошими отношениями с подчиненными, производящими научный продукт, и начальством, обеспечивающим его успешное прохождение (публикации, защиты, научные премии). Березовский виртуозно владел обоими качествами: он набирал талантливых, преимущественно еврейских математиков и многими путями завоевывал расположение начальства. Он уже тогда прекрасно понимал советскую жизнь. Сюда входило, конечно, членство в КПСС с 1975 г. и сотрудничество с КГБ с 1979 г., о чем со знанием дела пишет А. Хинштейн (*2007, с. 32–36*). Избранию

в члены-корреспонденты АН СССР содействовала благосклонность ученого секретаря АН СССР Игоря Макарова и 126 «Жигулей», подаренных нужным людям в АН СССР (*Там же*, с. 45–46). По мнению Петра Авена, «он стал бы и академиком – думаю, среди советских академиков не менее половины, как и он, были не собственно учеными, а “организаторами науки”, выполняющими необходимую в советской науке функцию – обмена одних ресурсов на другие» (*Там же*, с. 32). В качестве примера Авен приводит академика Шаталина: «Мы его уважали как человека, как старшего товарища, как очень опытного бюрократа и нашего защитника. Но как экономиста, как ученого моего поколения – Гайдар, я, Шохин – его, честно говоря, не рассматривали никогда» (*там же*, с. 88). Я мог бы добавить в эту же категорию еще немало академиков-экономистов того времени.

Авен в разных местах книги делает обобщения по всей советской науке того времени, совпадающие с рассказами его собеседников, которые «во многом развенчивают миф о великой и чистой советской науке» (*Авен*, 2018, с. 46), прослеживает связь нынешней коррупции и аморализма с аналогичными явлениями в академической среде 1970–1980-х гг. (*Там же*, с. 31–32).

Выводы Авена о советской науке совпадают с моими. Еще в 1988 г. я решил разобраться с состоянием советской науки на основе ее истории и объективных показателей. Мой вывод состоял в том, что по производительности труда она отставала от ее аналогов в западных странах примерно в 6–8 раз (*Ханин*, 1989), как в сельском хозяйстве. В науке советское руководство пыталось действовать теми же экстенсивными методами, что в экономике и военном деле. Но там это еще давало результат, пока не были исчерпаны ресурсы. В науке это было бессмысленно: здесь успех достигается силами немногих талантов и гениев. Пример науки – решающего инструмента экономического прогресса – показывает обреченность тогдашнего СССР. Перестройка практически ничего здесь не изменила. Ее осуществляли те же кадры.

Уже в период работы Березовского в ИПУ РАН выявились основные черты его характера, обеспечившие ему успех в советской науке, в постсоветской жизни и последующий крах:

1) величайшая амбициозность. По словам Леонида Богуславского, «Боря себе построил совершенно четкий “бизнес-процесс” – кандидатская, докторская, премия Ленинского комсомола, Государственная премия, Ленинская премия, Нобелевская премия» (*Авен*, 2018, с. 55). Как совершенно правильно отмечает тот же Богуславский, «большой ученый хочет получить какой-то результат, ему вообще наплевать, какие этапы он пройдет. Настоящее счастье – конкретный научный результат» (*Там же*, с. 55);

2) амбициозность тесно связана с другой его чертой, отмечаемой многими собеседниками, – стремлением к успеху. Оно вполне естественно для мужчины, но для настоящего ученого является производным от его научных результатов. У Березовского оно носило самодовлеющий характер. Амбициозность и стремление к успеху могут иметь и положительный характер, придавая энергию и подталкивая к усилиям в научной деятельности. Было это и у Березовского, выражаясь преимущественно в изобретении новых задач и привлечении талантливых сотрудников. Но его усилия и успехи были несравненно скромнее поставленных задач (или планок, как выражаются некоторые собеседники). И дело не в том, что он таки не добился не только Государственной и Ленинской премии – это в СССР зависело как раз часто от других обстоятельств, кроме научного результата. Сами результаты были достаточно скромны, судя по оценкам авторов;

3) авантюризм. Он тесно связан с амбициозностью, но далеко не тождествен ей. Здесь речь идет о низкой культуре, слабой осведомленности о состоянии мировой науки и западного научного общества. Будучи, в сущности, по строгим критериям и описаниям собеседников малограмотным человеком в общественных науках, Березовский, как мне

представляется, выводил свои представления об успехе в мировой науке по известным ему примерам из советского научного сообщества, где действительно успех достигался за счет общественной активности и хорошим отношением к сильным мира сего;

4) умение налаживать отношения. Практически все собеседники отмечают в качестве отличительной черты Березовского уже в период ИПУ его коммуникабельность и умение налаживать отношения с нужными ему людьми по хорошо известному в позднем СССР принципу «ты – мне, я – тебе». В научной среде это означало обмен услугами в продвижении нужных людей. В условиях товарного дефицита – обеспечение дефицитными товарами. Так, Березовский использовал свои научные связи с ВАЗом для приобретения там дефицитных запасных частей и обеспечения ими нужных людей (своеобразные рыночные отношения задолго до их официального признания);

5) огромная энергия. Леонид Богуславский о периоде ИПУ: «Он уже тогда был суперактивным, что-то придумывал, что-то устраивал, вокруг него было стремительное вращение всевозможных дел и людей. Он практически тогда же стал председателем Совета молодых ученых в институте» (*Авен, 2018, с. 42*). Притом что эффективность этой деятельности была невелика, как пишет тот же Богуславский: «Его организационный КПД был низким» (*Там же, с. 54*), как и вообще, замечу, в советской экономике и обществе;

6) целеустремленность и дерзость. Авен: «для Березовского не существовало слова “нет, невозможно” – это слово не из словаря Березовского» (*Там же, с. 18*). Эта черта, конечно, родственна авантюризму, но не идентична. Цели иногда были и вполне реальными, просто труднодостижимыми;

7) недостаточная культура. Она определялась, прежде всего, воспитанием в семье со средним уровнем общей культуры: отец – главный инженер небольшого завода, мать – домашняя хозяйка, лаборант. Недостатки домашнего воспитания не возмещались самообразованием в области истории, литературы и искусства, жизни других стран. У него для этого, помимо недостаточного желания, просто не было времени. А. Хинштейн: «Сослуживцы любили говорить за глаза, что Березовский, точно Ходжа Насреддин, умудряется находиться в нескольких местах одновременно. Вечно он куда-то неся, спешил, исполненный самых невероятных идей и планов» (*Хинштейн, 2007, с. 29*). Александр Ослон: «Он был таким активным, что поймать его было невозможно. Он появлялся то здесь, то там, звонил в миллион мест, обещал быть в миллионе мест, но так и не попадал туда» (*Там же, с. 29*);

8) аморализм. Березовский рано решил, что цель оправдывает средства. Советская жизнь и история это подтверждали. Генетика и воспитание не препятствовали. Отсюда смена национальности в 14 лет при еврейском отце и отчестве Абрамович, вступление в КПСС и сотрудничество с КГБ при антисоветских настроениях, спекуляция самыми разнообразными предметами, эксплуатация чужого интеллектуального труда. Бессовестная способность не отдавать долги самым разным людям и самого разного объема. Беспорядочные связи с женщинами, повергавшие в смятение многих его друзей, отнюдь не пуритан;

9) наглость. Авен: «Преодолевая общепринятые запреты, он всюду водил с собой девушек лет 18-20, будучи и исполнительным секретарем СНГ, и замсекретаря Совбеза. А почему нельзя, даже если женат. Некоторые очень большие начальники рассказывали мне, что абсолютно балдели от такой наглости, поправки всех этикетов и просто не знали, как реагировать» (*Авен, 2018, с. 19*);

10) бесшабашность. Многие говорят о смелости и бесшабашности Березовского. Здесь впечатляют его мужественное поведение после покушения 7 июня 1994 г. и катание на сноуборде, опасные поездки в Чечню в 1996–1998 гг., борьба с Примаковым в 1999 г. и противостояние, как бы его ни оценивать, Президенту РФ в России и за границей вместо спокойного и комфортного проживания богатства;

11) умение ценить талантливых людей. Так он компенсировал недостаток профессионализма. На разных этапах своей жизни он умел объединить вокруг себя талантливое окружение. И в период ИПУ, и в ЛогоВАЗе, и в «Сибнефти» (Абрамович и Швидлер), и на телевидении. Для такого, чтобы окружить себя умными, нужно и самому быть умным.

2. Бизнес в перестройку и в период радикальной экономической реформы

Березовский гораздо быстрее многих коллег понял преимущества предпринимательства перед наукой (наверное, убедился в недостижимости Нобелевской премии), когда в перестройку создались условия для занятия предпринимательством в СССР. И здесь у него появились грандиозные планы, обусловленные и авантюризмом, и интуицией. Летом 1988 г. (!) на вопрос Авена, какова цель создания будущего ЛогоВАЗа, Березовский ответил: «Цель – заработать по миллиарду. Каждому» (*Авен, 2018, с. 17*). Его еврейские коллеги по лаборатории, не пожелавшие (или не приглашенные) присоединиться к его предпринимательской деятельности, эмигрировали, кто в США, кто в Израиль, и продолжили там научную деятельность.

Фундамент новым занятиям был заложен еще в советское время, благодаря псевдонаучным контактам с руководством крупнейшего автомобильного завода СССР – ВАЗ. Схема бизнеса не отличалась изобретательностью: спекулировать на разнице свободных розничных цен и фиксированных оптовых цен завода, отличавшихся в конце 1980-х гг. в десятки раз. При колоссальном неудовлетворенном платежеспособном спросе на легковые автомобили в СССР она была очень выгодна ЛогоВАЗу, руководству завода и многочисленным криминальным группировкам вокруг ВАЗа и разрушительна для ВАЗа и его рядовых работников, поставщиков ВАЗа (*Хлебников, 2001, с. 91*). Борьба с этим беспределом было некому. Министерство автомобильной промышленности было ликвидировано, партийные и правоохранительные органы дискредитированы.

Вслед за торговлей «Жигулями» пришла очередь продаж иностранных автомобилей. Здесь уже после роспуска СССР огромную роль сыграли введенные указом Президента РФ льготы для отдельных организаций, под прикрытием которых ЛогоВАЗу удавалось избежать таможенных платежей (*Дубов, 2002, с. 441–491*). При всем том организация работы ЛогоВАЗа была крайне неэффективной, и он имел огромную задолженность перед ВАЗом (*Хинштейн, 2007, с. 81*). ВАЗ мог легко обанкротить ЛогоВАЗ, но его руководство было повязано с ЛогоВАЗом. Приобретение значительного пакета акций ВАЗ на средства того же завода позволило ЛогоВАЗу назначить финансовым директором ВАЗа своего человека – Николая Глушкова. Лучше ВАЗу от этого не стало, а ЛогоВАЗу, наверное, стало легче грабить ВАЗ. Но в 1995 г. терпение Каданникова кончилось, и он изгнал людей Березовского с ВАЗа и прервал коммерческие контакты с ЛогоВАЗом. После разрыва с ВАЗом ЛогоВАЗ сдулся.

Изогранным коммерческим ноу-хау Березовского явился «Автомобильный Всероссийский Альянс» (АВВА). Это якобы акционерное общество на собранные с подписчиков средства обещало построить автомобильный завод со льготной продажей автомобилей для владельцев сертификатов. Собранные 50 млн долларов никогда подписчикам не вернулись. Стоимость завода была два млрд долларов, и очевидно, что деньги с самого начала собирались для целей обогащения Березовского и его окружения, дальнейшей их экспансии. Они позволили в процессе приватизации приобрести значительную часть АвтоВАЗа. Это была типичная и еще не знакомая россиянам финансовая пирамида. Здесь Березовский опередил Мавроди с его МММ. При создании АВВА Березовский использовал пробелы российского законодательства об акциях и акционерных обществах и финансовую и юридическую безграмотность населения. Создание АВВА делает честь интеллектуальным и экономическим

способностям Березовского, пусть и использованным в мошеннических целях. «Врубиться» в акционерное законодательство и найти в нем лазейки для обогащения, было для математика очень непросто.

В отличие от Мавроди Березовский уже в начале 1990-х гг. имел высокое покровительство в российской власти. Ввел его в нее сам Петр Авен, ставший в конце 1991 г. министром по внешнеэкономическим связям правительства РФ. Петр Авен сообщает новость. Вопреки многочисленным утверждениям, что поход Березовского во власть начался после печатания им на собственные средства мемуаров Ельцина в 1994 г., он рассказывает: «Тринадцатого января 1993 года, на Старый Новый год, большую тусовку собрал Зураб Церетели. Были там Лужков, Кобзон, Коржаков, Барсуков и Березовский с Леной. Я очень ясно тогда ощутил, что Борис в этой новой элите уже свой, прочно и уверенно укорененный» (Авен, 2018, с. 125). Для забывших: Коржаков в этот период был начальником Службы безопасности Президента РФ, Барсуков – комендантом Кремля, Лужков – мэром Москвы. Сам Авен был смещен с поста министра, но оставался вхожим в высшие круги власти. Очевидно, что столь высокопоставленные лица не за красивые глаза приняли Березовского в свою компанию.

Примечательна оценка заместителя генерального директора ЛогоВАЗа по безопасности Марка Шеймана: «Как только свергли Верховный Совет, он стал великим» (Авен, 2018, с. 194). Будучи простым человеком, Шейман чутко уловил изменение психологического настроения Березовского в связи с победой близкого к Ельцину окружения: ему теперь все было возможно.

Новым этапом коммерческой и теперь уже впервые политической деятельности Березовского стала приватизация по указу Президента РФ без конкурса самого влиятельного тогда Первого телеканала. Вложив смешные 320 тыс. долларов, Березовский вместе с ЛогоВАЗом получил 36% акций канала и стал заместителем председателем Совета директоров канала (Хлебников, 2001, 158–159). Среди акционеров был и Альфа-банк Петра Авена. Вскоре Березовский стал (вместе Тедом Тернером) собственником Шестого канала телевидения и влиятельных печатных СМИ: журнала «Огонек» и «Независимой газеты» (Там же, с. 167). Как пишет, возможно, с некоторым преувеличением Павел Хлебников, благодаря контролю над этими СМИ Березовский стал «архитектором национальной политики» и «превратился в главного олигарха, первого среди равных» (Там же, с. 167–168). Очевидна значимость Первого канала в национальной политике как рупора Президента Ельцина. Но, скорее всего, контроль над рекламой первого канала приносил и немалые доходы Березовскому. Как пишет, объясняя действия Березовского в этот период, Петр Авен, «он быстро понял, что в российских условиях начала 1990 х гг. определенный политический вес позволяет де-факто захватывать лучшие куски государственной собственности» (Авен, 2018, с. 208). К сожалению, в книге Авена о коммерческой деятельности Березовского во главе Первого канала рассказано очень мало. По деятельности Березовского в СМИ уместно привести рассказ Юрия Шефлера в связи с кампанией «Известий» против Березовского в 1996 г. Шефлер вспоминает, как Березовский попросил его найти бандитов, чтобы убить тогдашнего главного редактора «Известий» Голембиовского (Там же, с. 342). Сама мысль об убийстве говорит об уровне морали Березовского. В этом свете может показаться правдоподобной гипотеза Хинштейна об участии Березовского еще в 11 убийствах видных российских деятелей, начиная с Листьева (Хинштейн, 2007, с. 102–104). Вместе с тем как раз обращение за помощью в поисках киллера говорит против этого: значит, своих киллеров не было.

Следующей жертвой Березовского стал крупнейший международный авиаперевозчик – Аэрофлот. Здесь не пришлось вторгаться в собственность компании, оказалось достаточным, пользуясь влиянием на власть, поменять руководство этой все еще преимущественно государственной компании на своих людей и взять под контроль

ее финансовые потоки с помощью зарегистрированной в Лозанне небольшой компании Andava, являвшейся собственностью Бориса Березовского и Николая Глушкова, и ряда других аналогичных компаний в Лозанне и Дублине (Хлебников, 2001, с. 169–186). Результатом деятельности Березовского явилось резкое ухудшение финансового положения Аэрофлота (Там же, с. 185). Тут удача изменила Березовскому. Его люди были в начале 1999 г. изгнаны из Аэрофлота, как в 1995 г. из ВАЗа. Так что даже в ельцинский период у Березовского были коммерческие неудачи. Коммерческие интересы не полностью подконтрольных компаний и независимых от власти СМИ могли возобладать. И период Аэрофлота не нашел отражения в книге Авена.

Крупнейшим успехом Березовского явилось приобретение в самом конце 1995 г. на залоговом аукционе собственности на крупнейшую нефтяную компанию «Сибнефть» за ничтожную сумму в 100 млн долларов. Аукцион был, конечно, видимостью. Вся сделка была настолько позорной, что Авен об этом эпизоде даже не вспоминает, ограничившись осуждением залоговых аукционов в целом (Авен, 2018, с. 210, 386). Возможно, из-за низких цен на нефть и плохого управления компания в то время и не стоила много, но уж никак не 100 млн долларов. В предвосхищении будущих доходов ее рыночная капитализация уже на 1 августа 1997 г. при тех же ценах на нефть выросла до пяти млрд долларов (Хлебников, 2001, с. 208). Ельциным и его окружением она была подарена Березовскому вместе с Первым каналом за медийную и финансовую поддержку в избирательной кампании по выборам Президента РФ в 1996 г. В дела «Сибнефти» Березовский не вмешивался. На вопрос Авена: «Он хотя бы читал годовые отчеты Сибнефти?» фактический руководитель «Сибнефти» Швидлер отвечает: «Ты смеешься, что ли?» (Авен, 2018, с. 292). Таких собственников крупнейших компаний в мире, видимо, было немного. Так или иначе, к началу 1996 г. Березовский контролировал уже несколько крупнейших по политическому и экономическому значению российских компаний: Аэрофлот, Первый канал телевидения и «Сибнефть». Доходами он был обеспечен. Теперь настало время заняться политикой. Это не значит, что он прекратил экспансию в экономику, но она стала в его деятельности с тех пор сопутствующим политикой делом.

3. Политика в период позднего ельцинства и Березовский

Прежде чем обсуждать политическую деятельность Березовского, целесообразно выяснить, каков был его интеллектуальный уровень в этой области. Об этом, на мой взгляд, лучше всего говорят его рассуждения о политической системе США, о которых рассказывает Авен: «Америкой на самом деле управляют семь или восемь семей, мы точно не знаем сколько. В основном, конечно, еврейских. Они собираются, я думаю, где-то раз в год и решают основные вопросы – кандидатура президента США, ставки ФРС, вторжение в какой-нибудь Ирак. На самом деле решают именно они, а демократия – разводка для лохов» (Авен, 2018, с. 18). Из этих слов видно, насколько пещерными были представления Березовского о политической жизни США. В политике он оставался таким же дилетантом, как в науке и предпринимательстве. И если ему все же в российской политике немало удалось добиться, то в силу ее примитивности остальные ее участники понимали в ней немногим больше. И, конечно, у него была немалая интуиция. Она часто заменяла знания. Но убеждение, что «демократия – разводка для лохов», скорее всего, отражает глубинные политические взгляды Березовского. Отсюда фальшивой выглядит его борьба с Путиным в защиту демократии против авторитаризма. Другое дело, что демократический фасад казался ему более подходящим для господства олигархии, чем открытый авторитаризм. Отсюда отвержение им антидемократических проектов Ельцина в 1996 и 1998 г. и авторитарных методов Путина.

Поход в политику начался для Березовского с президентских выборов 1996 г. В этот период Березовский возглавлял клуб богатейших в результате залоговых аукционов

предпринимателей России, собиравшихся в особняке ЛогоВАЗа. Вот как об этих встречах вспоминает Авен: «Не реже раза в месяц Борис стал собирать крупнейших бизнесменов для обсуждения ситуации в стране и выработки, если получится, общей позиции, в том числе по кадровым вопросам. На самом деле на этих собраниях солировали Березовский и Гусинский, остальные были скорее статистами. Бизнесмены хотели заниматься бизнесом, а не политикой (Фридман встречи в ЛогоВАЗе регулярно пропускал). Борис же использовал остальных для поддержки собственного авторитета, для создания впечатления мощной силы, стоящей за его спиной и способной влиять на будущее страны» (Авен, 2018, с. 209). И хотя Авен считает преувеличенным представление о влиянии Березовского на политические решения, он рассказывает о том, как «однажды в клуб приехал Александр Лившиц, в то время министр финансов. Березовский за что-то отчитывал его, как мальчишку. Все остальные бизнесмены молчали, насколько я помню, по сути, все поддерживали Березовского» (Там же, с. 210).

К началу президентской кампании ситуация для Ельцина складывалась катастрофически: в связи с экономическими провалами, чудовищным неравенством и коррупцией, преступностью, поражениями в Чечне рейтинг Ельцина был на уровне нескольких процентов. Казалось, его уже было не спасти в ходе нормальной политической борьбы. Отсюда и родилась у Коржакова и Сысковца идея роспуска Думы, запрета КПРФ и переноса президентских выборов. Даже скептически относящийся к Березовскому Авен признает, что поворот наступил благодаря Березовскому: «Ему удалось договориться со всеми бизнесменами, что они соберут все ресурсы в единый кулак и дальше Чубайс начнет реализовывать план» (Авен, 2018, с. 245). Вторым вкладом Березовского в победу Ельцина было привлечение на его сторону генерала Лебеда (Там же, с. 248), еще совсем недавно беспощадно критиковавшего Ельцина за развал СССР и его вооруженных сил, в обмен на обещание высоких должностей. Разумеется, ОРТ наряду с НТВ играли огромную роль в кампании в пользу Ельцина. Победа Ельцина в большой степени наряду с финансовым, медийным и административным ресурсом была связана со слабостью противников Ельцина, прежде всего КПРФ. Их предвыборная кампания была намного менее изобретательной, чем президентская, часто просто пассивной. Лучшие интеллектуальные силы страны из убеждения или корысти все-таки в большинстве поставили себя на службу Ельцину.

В связи с победой Ельцина на выборах 1996 г. в высшей степени важными мне представляются нынешние размышления Авена, который в 1996 г. финансировал наряду с другими магнатами капитала избирательную кампанию Ельцина: «Всегда есть пределы того, что можно и что нельзя. Тот уровень беззастенчивой поддержки и навязывания Ельцина, который, в общем, Боря организовывал, – сейчас я не уверен, что это было правильно. Я не уверен, что было правильно то, что Зюганов не стал тогда президентом... Возможно, надо было пройти период возвращения и полевения с тем, чтобы позже более уверенно двигаться вперед» (Авен, 2018, с. 348). Такие рассуждения одного из крупнейших магнатов российской экономики дорого стоят. Они опровергают широко распространенное представление, что все магнаты одним миром мазаны. Такую же оценку этой кампании дает Владимир Познер. Говоря об ответственности журналистов за беззастенчивость кампании 1996 г., он подчеркнул: «Исполнители – журналисты. В этот момент они перестали ими быть. Они стали пропагандистами. Отсюда то, что мы видим сегодня, когда журналистики вообще нет, а количество журналистов можно сосчитать по пальцам двух рук» (Там же, с. 308). Неплохо было бы при этом справедливости ради учесть и гибель 300 российских журналистов в постсоветский период, и преследование оппозиционных СМИ в 2000 и 2010 г.

В ходе президентской кампании Березовский порвал со своим давним покровителем – Коржаковым. Это началось уже с процедурой президентской кампании и завершилось делом о коробке с ксероксом. Это могло бы выглядеть как борьба за демократию, хотя

хранение нелегальных денег в здании правительства никак не вязалось с борьбой за демократию, как у Коржакова – с борьбой с коррупцией.

После победы Ельцина главными стали противоречия среди победителей. Они проявились в борьбе вокруг частичной приватизации «Связьинвеста» – крупнейшей телекоммуникационной компании России в 1997 г. Впервые была опробована схема денежной приватизации, где победителем считался тот, кто предложил больше денег. Березовский непосредственно в аукционе не участвовал, но поддерживал своего вновь приобретенного после ожесточеннейшей борьбы в 1994 г. друга Гусинского. «Молодые реформаторы» Чубайс и Немцов, недавно ставшие первыми вице-премьерами правительства, решили положить в интересах бюджета конец договорным «аукционам». Проиграв, Березовский и Гусинский, контролировавшие две крупнейшие телекомпании, развязывают против Чубайса информационную войну. В ней ключевую роль играл новый друг Березовского – талантливый журналист Сергей Доренко. Для иллюстрации нравов 1990-х гг. приведу его высказывания об олигархах, которые он многократно разными словами повторяет в книге: «Мрази. Негодяи. В сущности, я борюсь с шакалами. В сущности, я социопат, но в особенности ненавижу этих проныр всевозможных...» (*Авен, 2018, с. 394*). Это не мешало ему получать в этот период и впоследствии фантастические гонорары от Березовского за поношение его политических и экономических конкурентов.

Информационная война сначала привела к отставке Чубайса и его соратников, а всего через две недели – и самого Березовского с поста заместителя секретаря Совета безопасности РФ в связи с вскрывшимся СМИ фактом получения им израильского гражданства. В те времена власть еще считалась с мнением СМИ и общественности.

Деятельность Березовского по мирному урегулированию ситуации в Чечне на посту заместителя секретаря Совета безопасности РФ выпала, к сожалению, из книги. Впоследствии она явилась источником многих обвинений Березовского в предательстве национальных интересов России и преследовании эгоистических экономических интересов (*Хинштейн, 2007, с. 245–277*). Наблюдая фактическую независимость Чечни (при словесной лояльности России для получения огромных экономических льгот) при руководстве Кадырова, можно в этом усомниться.

Минимальное отражение в книге нашло назначение Березовского исполнительным секретарем СНГ всего через полгода по настоянию глав государств СНГ и, как уверяет тогдашний глава президентской администрации Валентин Юмашев (*Авен, 2018, с. 421*), при недовольстве Ельцина и тогдашнего премьер-министра РФ Сергея Кириенко этим предложением. Если Юмашев говорит правду, это можно было бы считать величайшим достижением Березовского. По утверждению того же Юмашева, он принял этот пост с поистине наполеоновским намерением сделать СНГ подобием Евросоюза с руководящей ролью в нем России. При тогдашней экономической и политической слабости России из этого ничего не получилось и ровно через год, в разгаре конфликта Березовского с Примаковым, Березовский вынужден был покинуть этот пост. При рассмотрении этого периода уместно напомнить неудачи по установлению контроля Березовского над Газпромом по причине противодействия Чубайса и Немцова. Так что государство даже в этот период существовало.

Примаков рассматривал Березовского как главу враждебной ему и интересам России группы олигархов. По его указанию за Березовского и его компании взялась Генеральная прокуратура РФ. Он был объявлен в розыск по линии Интерпола, смещен в должности исполнительного секретаря СНГ (*Хинштейн, 2007, с. 353–355*). Ответный удар последовал быстро: Примаков был отправлен в отставку. Смещен был Генеральный прокурор Скуратов. Вскоре премьер-министром был назначен Владимир Путин. У Путина были прекрасные отношения с Березовским. Настолько прекрасные, что в разгар конфликта Березовского с Примаковым он, будучи главой ФСБ, без приглашения приехал с цветами на день рождения жены Березовского (какая осведомленность!) (*Гордон, 2013, с. 50*).

После назначения Путина премьер-министром начинается самый важный эпизод жизни Березовского в политике. Следовало создать условия для победы Путина на выборах Президента РФ. Первым шагом было обеспечение лояльной Путину Государственной Думы, выборы в которую были назначены на декабрь 1999 г. К этому моменту уже была создана вокруг Лужкова и Примакова, пользовавшихся тогда большой популярностью среди населения и правящего класса, партия «Отечество», поддерживаемая многими губернаторами. Предстояло создать партию сторонников Путина. О роли Березовского в создании партии «Единство» мнения собеседников Авена расходятся: от решающей до очень значительной. Но два факта несомненны.

Во-первых, роль в формировании программы партии. Авен в беседе с Валентином Юмашевым: «И вот осенью 1999 г. большой гепатитом Березовский, находясь в больнице, сколачивает свой избирательный блок. Я у него был в больнице в сентябре. Он лежал, желтый от гепатита. Он писал какие-то тезисы, вокруг бегал Доренко и тому подобное. Потом они стали объезжать губернаторов, уговаривать их. Так или не так?» Юмашев: «Да, это так. Он объезжает губернаторов и собирает, наверное, человек 15 достаточно тяжеловесных регионов, готовых рисковать за Путина» (Авен, 2018, с. 427–428). Чем же привлек Березовский губернаторов? Об этом рассказывает его ближайший соратник Александр Гольдфарб: «Он им говорил: “Если придет Примус (Примаков), то он вам отвернет голову, он отберет ту самую автономию и независимость, которые дал вам Ельцин. А вот Путин – это ельцинский человек, он – то, что вы хотите. Он даст вам спокойно править в своих вотчинах”» (Там же, с. 554).

И все признают огромную роль контролировавшегося Березовским телевидения для развенчания в передачах Сергея Доренко Лужкова и Примакова, еще более грязно, чем в 1996 г. в борьбе с Зюгановым. Вот что об этой кампании пишет выдающийся телевизионный деятель и журналист Олег Попцов по горячим следам: «Начинается публичное растаптывание общественной морали, нравственности, этики. Начинается тотальное уничтожение общественного мнения. Сограждан превращают в манкуртов. Таких масштабов лжи, подлога наше отечество не знало с 1937 года» (Попцов, 2000, с. 615). При всей значимости усилий Березовского все собеседники Авена признают большую роль в победе «Единства» успехов российской армии в Чечне.

Избирательная парламентская кампания 1999 г. выявила несколько особенностей политической жизни России 1990-х гг., ее примитивный уровень. Партия, возникшая за три месяца до выборов с неизвестными в политике лидерами, получила больше всего голосов. Старые партии оказались беспомощными. Избиратели легко поддались телевизионному манипулированию. Правящий класс оказался продажным. Журналистика дискредитировала себя еще больше, чем после президентских выборов 1996 г. Для такого поворота, конечно, имелись и объективные основания: катастрофические политические и экономические итоги 1990-х гг.

В отличие от парламентских выборов 1999 г. на президентские выборы 2000-го Березовский не влиял. Как явствует из книги, Березовского попросту попросили удалиться из России, чтобы не бросать тень на Путина. И это должно было насторожить.

Победа Путина вызвала восторг у Березовского. Юрий Шефлер: «Он говорил про Путина: “Это наш человек. Это брат, друг, у нас философия одна, мы будем править этой страной и наведем порядок, так что, Юра, готовься, нас ждут великие дела”» (Авен, 2018, с. 587). Притом что некоторые друзья Березовского, учитывая прежнюю профессию Путина, предостерегали его от иллюзий.

Не стану пересказывать историю конфликта Березовского с Путиным. О ней с подробностями говорят многие собеседники Авена. Здесь самое любопытное в книге не новые факты, а истолкование этого конфликта и его результата для Березовского. Наиболее характерна оценка Сергея Доренко: «Он не понимал природу российской власти, он не понимал, что русские молятся трону. Он понимал природу власти

как европеец. Русская власть так же, как и туркменская, и казахская, отличается принципиально от европейской. Там правят цари-вожди. А в России правит царь-жрец» (Авен, 2018, с. 542). О том же другими словами олигарх Фридман: «Стратегически понятно, что противостоять власти в России с учетом ее истории и традиции в принципе невозможно, по большому счету. Взломать машину нереально, потому что это же отражение идеологических установок многих сотен лет. Сакральное, божественное происхождение власти» (Там же, с. 547).

Вместе с тем борьба Березовского с Путиным заставляет задуматься о мотивах этого конфликта. Не лежали ли в его основе, помимо переоценки Березовским своих возможностей, все же и идейные мотивы, опасения перед негативными последствиями установления авторитарной власти? Ведь Березовский не мог не понимать опасность для него этого конфликта, приведшего к изгнанию из России.

4. Березовский в оппозиции

Российское государство первоначально (в память заслуг Березовского в установлении путинского правления) оказалось милостивым к нему. Он получил компенсацию за свою собственность в Первом канале и в «Сибнефти» в размере около двух млрд долларов. Вполне достаточно для комфортной жизни. Но не таков был Березовский, чтобы на этом успокоиться. Его раздирало желание мести за изгнание и потерю прежнего политического положения в России, когда Дом приемов ЛогоВАЗа был центром политической жизни. Все свои экономические возможности и прежние политические связи Березовский направил на борьбу с установившимся в России после 2000 г. политическим режимом. В книге довольно подробно описываются эти усилия. Александр Хинштейн дополняет этот рассказ (Хинштейн, 2007, с. 542–559). Березовский лихорадочно пытается создать оппозицию. Он мечется от создания правой партии «Либеральная Россия» до поддержки коммунистов и других левых противников Путина (от Проханова до Глазьева), доказывая в очередной раз отсутствие политических убеждений. Пытается протолкнуть на пост президента своего давнего соратника Ивана Петровича Рыбкина, организовать бунт губернаторов и генералов. Все эти попытки оказываются унижительно неудачными. Несколько более успешной была поддержка им противостоящих тогдашней России прозападных сил в бывших республиках СССР от Украины до Грузии. Но и пришедшие в них власти вскоре отворачиваются от Березовского. Пыталась ли российская власть преследовать Березовского за его оппозиционную деятельность? Было бы странно, если бы она этого не делала. Но здесь почти все покрыто мраком.

Прежние друзья отворачивались от Березовского. Оставались преимущественно содержанцы мужского и женского пола. Попытки вписаться в английское общество не удалось. О научной деятельности пришлось забыть. Последним сильнейшим ударом по Березовскому явился проигрыш в процессе против Абрамовича в английском суде, который по многочисленным рассказам он боготворил. Финансовые средства стремительно убывали. Собеседники Авена из числа немногих оставшихся друзей Березовского говорят о его депрессивном состоянии после этого суда. Унижительное покаянное письмо Березовского Путину незадолго до смерти говорит об этом совершенно определенно. Подавляющее большинство собеседников Авена принимают версию о самоубийстве Березовского. Исключение составляет его третья жена и Юлий Дубов.

5. Место Березовского в политической истории посткоммунистической России

Авен и его собеседники много размышляют о причинах взлета и падения Березовского, дополняя те, которые связаны с упоминавшимися выше особенностями российской власти вообще.

Волошин: «Ельцин ассоциируется с революцией, которая была необходима. Мы страна, которая почти век провела без частной собственности. Так вот, чтобы это поменять, конечно, требовалась революция. Ельцин с этой революцией ассоциируется. Путин ассоциируется с переходом к эволюционному периоду развития со всеми его достоинствами и недостатками» (Авен, 2018, с. 526–527). Авен: «Я думаю, что Березовский мог стать только символом революции, а в новой жизни ему просто места не нашлось – лишний человек. С этим связана его личная драма» (Там же, с. 531). Михаил Фридман: «У него в голове картина мира, которая далека от действительности... На уровне общей картины мира у него не было никакого систематического образования. Он вообще не понимал, как мир устроен» (Там же, с. 547). Снова Авен: «У Березовского не было никакого морального авторитета. В этом смысле артикуляция им либеральных ценностей была не только не полезной – она была вредной. То, что он во многом стал символом либерализма, было только плохо» (Там же, с. 550). Фильштинский: «Он все время придумывал какие-то схемы, какие-то махинации. Подгонял под это идеологию, там тоже придумывал на ровном месте и некорректно и неправильно. Этот блок либералов и правых националистов» (Там же, с. 565). Владимир Познер: «Его непонимание ситуации – вот этого я до сих пор не могу объяснить. Он просто на 100% не понимал, что происходит в России. Кто такой Путин» (Там же, с. 568). Его долголетний, до последних дней жизни друг и автор ряда книг о нем Юлий Дубов: «Боря – человек горизонтали... Боря чувствует себя как рыба в воде там, где существуют разные центры влияния и он может свободно перемещаться от одного центра к другому. Боря не может существовать в условиях вертикали. И возможно еще третье объяснение: в какой-то момент в 2000 г. Боря понял, что выбор был сделан неверный, что был выбран слабый человек» (Там же, с. 574). Демьян Кудрявцев: «Березовский – единственный из этой группы людей, который на алтарь отстаивания своих политических воззрений, в том числе амбиций, принес свою жизнь, жизнь своих близких и весь капитал, который был у него» (Там же, с. 651).

Пожалуй, самая содержательная оценка Березовского была дана Анатолием Чубайсом. На вопрос Авена, нашлось ли бы место Березовскому в нынешней системе управления, если бы он был лоялен власти, Чубайс ответил: «Нынешняя эпоха, конечно, не для него. В нынешнюю эпоху для него не хватило бы воздуха. Сегодня влияние людей, которые не являются государственными служащими, на принятие ключевых решений минимально. Где бы Борис Абрамович мог развернуться? Нет этой политической среды, этого бульона, где он мог бы развернуться. Я думаю, что он все равно бы зачах» (Авен, 2018, с. 708). Поясняя свою мысль, Чубайс находит совершенно закономерным окончание эпохи 1990-х гг., связывая это (вполне в духе Проханова) с коренными отличиями России от Запада (Там же, с. 713). И встречает отповедь Авена, считающего западную модель универсальной и приводящего весьма убедительные аргументы в пользу своей точки зрения (Там же).

Ключевую роль в приведенных выше объяснениях играет разграничение революционных и эволюционных эпох, принципиальной разницы их функционирования, их связи, поскольку эволюционная эпоха наследует и тем самым легитимизирует революционную эпоху. Здесь следовало бы обсудить вопрос о возможности выхода из авторитарного советского режима эволюционным путем. Это и было целью перестройки. Ее неудача не говорит ли о невозможности этого выхода? И тогда происходит революция со всеми ее ужасами и хаосом, чем и были 1990-е гг., символом которой был Березовский. Здесь уместно привести рассуждение о революции Бердяева в связи с анализом им большевистской революции: «В нашем греховном, злом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят и процессы разложения. Слишком часто происходит так, что в обществе не находится положительных,

творческих, общественных сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции» (*Бердяев, 1990, с. 107*).

Здесь уместно оценить, были ли 1990-е гг. действительной революцией в экономике. Авен с этим не согласен (*Авен, 2018, с. 761–778*). Я рассматриваю этот вопрос в Приложении. Вместе с тем эволюция тоже бывает разной. Одна открывает возможности динамичного развития страны, другая после первоначальных успехов, связанных с политической стабилизацией, обрекает страну на застой и последующую деградацию, создавая условия для новой революции или доделки прежней. В современной России случилось второе, о чем предостерегал Березовский в борьбе с Путиным.

В трех томах своей книги «Экономическая история Россия в новейшее время» я анализирую многочисленные попытки реформирования советской и российской экономики. Все они в конечном счете заканчивались неудачей. Не думаю, что это случайность. Она отражает особенность российского исторического процесса – движение рывками (*Ханин, 2004а, 2004б*).

6. Испытывал ли Березовский чувство вины?

Анализируя жизнь Березовского, легко придти к выводу, что при его величайшей аморальности чувство вины за что-либо в его общественной жизни ему было незнакомо. Некоторые высказывания в книге позволяют в этом усомниться. Хорошо его знавший по лондонскому периоду Владимир Воронов: «Он стал считать себя ответственным за бурные 90-е, лихие 90-е» (*Авен, 2018, с. 661*). Это подтверждает и его беседа с Александром Прохановым летом 2002 г. Сама эта встреча совершенно необычна. Газета «Завтра» многие годы клеймила Березовского, как никого другого из российских олигархов. А Березовский боролся с коммунистами и их союзниками, каким был Александр Проханов. И вот они встречаются для мирной и дружеской беседы. Зачем? Конечно, был здесь для обоих политический расчет. Березовский искал противников Путина, к которым тогда можно было отнести и Проханова. Проханов искал финансирование для своей газеты (он тогда расхваливал за хозяйственные успехи и Ходорковского). И все же, все же, все же... О чем говорит Березовский в этой беседе: «Все мои проблемы – результат моих собственных ошибок... Я ощущаю колоссальный комплекс вины... у меня были фантастические иллюзии в отношении Запада» (*Завтра, 2002*). Человеку с огромным самомнением такое было очень нелегко произносить.

Заключение. Зачем Авен готовил эту книгу?

Уж не гонорара ради. Авен в этом не нуждается. Из уважения к старому и ушедшему другу, конечно: «Я много лет близко дружил с Березовским – очень давно. Был им, безусловно, очарован... Мои собеседники относятся к нему очень по-разному. Но вот в чем согласны все как один. Борис заслуживает воспоминаний, Говорить о нем интересно. Яркий, бесстрашный, совсем не мелочный, заплативший полную цену» (*Авен, 2018, с. 9*). В книге о личных качествах Березовского говорят многие и по-разному, от безграничного восхищения и любви до отвержения. Хотя преобладают все же негативные оценки. Заведомых врагов Березовского Авен для бесед не приглашает.

Авен написал эту книгу гораздо больше, думаю, ради другого: попытки уяснить для общества и для себя, чем были 1990-е гг. для России: благодеянием или проклятием. Для него самого и подавляющего числа из его собеседников лично в материальном смысле – огромным благодеянием: из скромных советских интеллигентов они стали очень обеспеченными и известными, а в случае некоторых и очень богатыми людьми. Но и в смысле престижа тоже: кто их знал в советское время и кому, кроме самых близких, они были интересны. Но Авена, не побоюсь этого слова, гложет мысль о том, насколько деятельность Березовского и его окружения была общественно полезна для России. Поэтому книга, прежде всего, о времени Березовского. Отсюда непрерывные

предложения Авена своим собеседникам сравнить моральные ценности советского времени с постсоветскими. И вполне оправданные поиски истоков моральных уродств 1990-х гг. в уродствах предшествующего периода. Но есть еще одно качество тех годов, о котором Авен, к сожалению, вспоминает только единожды: «Первая половина 90-х – время обнищания для одних и быстрого фантастического обогащения для других» (Авен, 2018, с. 208). Хорошо было бы Авену спросить своих собеседников о том, как они относятся к этому явлению и не считают ли отношение большинства населения России к олигархам вообще и Березовскому в частности оправданной реакцией на такое возмутительное положение, с которым совершенно не считалось российское руководство и предпринимательство 1990-х гг. Добро бы, если бы было как на заре капитализма платой за экономический прогресс. Так, кроме сферы бытовых услуг и примитивного финансового посредничества для обслуживания преимущественно тех же богатеньких и в редких случаях возрождения погибающих советских гигантов, создано ничего не было. Справедливости ради отмечу, что Авен все же осознает эту проблему. Отсюда и поразительное для олигарха признание полезности прихода к власти Зюганова. Что-то начал понимать в этом отношении и Березовский.

А может, все это издержки любой революции и расплата за грехи советского периода или созидательное разрушение, где на первом этапе закономерно преобладало разрушение неэффективной части советской экономики. Подозреваю (потому что не считал), что значительная часть советской обрабатывающей промышленности при расчете выпуска и материальных издержек (включая амортизацию из расчета правильно посчитанной стоимости основных фондов) в мировых ценах создавала негативную добавленную стоимость. А в 1990-е гг. сюда добавились ввиду низких мировых цен и значительная часть добывающей промышленности, а также часть сельского хозяйства и транспорта. Не зря Василий Селюнин назвал советскую экономику 1980-х гг. самодской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авен П. (2018). *Время Березовского*. М.
 Бердяев Н. А. (1990). *Истоки и смысл советского коммунизма*. М.
 Гайдар Е. (1996). *Дни поражений и побед*. М.
 Гордон Д. (2013). *Березовский и Коржаков*. М.
 Дубов Ю. (2002). *Большая пайка*. М.
 Нечаев А. (2010). *Россия на переломе*. М.
 ОЭСР (1997) // *Экономические обзоры*. Российская Федерация.
 Попцов О. (2000). *Тревожные сны царской свиты*. М.
 Проханов А. (2002). С Березовским в Лондоне // *Завтра*, № 50-41.
 Ханин Г. И. (1989). *На чем спотыкается советская наука*. Владивосток: Постижение М.
 Ханин Г. И. (2004б). Опыт России по преодолению экономической отсталости // *ЭКО*, № 10.
 Ханин Г. И. (2004а). Технология экономического рывка в России // *ЭКО*, № 9.
 Ханин Г. И. (2014). *Экономическая история России в новейшее время*. Российская экономика в 1992–1998 годы. М.
 Хинштейн А. (2007). *Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги*. М.
 Хлебников П. (2001). *Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России*. М.
 Хоффман Д. (2007). *Олигархи. Богатство и власть в новой России*. М.
 Ясин Е. Г. (2002). *Российская экономика. История и панорама рыночных реформ*. М.

REFERENCES

- Aven, P. (2018). *The Time of Berezovsky*. M. (In Russian).
 Berdyayev, N. A. (1990). *The origins and meaning of Soviet communism*. M. (In Russian).
 Dubov, Y. (2002). *Large payka*. M. (In Russian).

- Gaidar, E.* (1996). Days of defeats and victories. M. (In Russian).
- Gordon, D.* (2013). Berezovsky and Korzhakov. M. (In Russian).
- Hoffman, D.* (2007). Oligarchs. Wealth and power in the new Russia. M. (In Russian).
- Khanin, G.* (1989). On what Soviet science stumbles. Vladivostok: Postizheniye M. (In Russian).
- Khanin, G. I.* (2004a). Technology of economic breakthrough in Russia. *EKO*, 9. (In Russian).
- Khanin, G. I.* (2004b). Russia's experience in overcoming economic backwardness. *EKO*, 10. (In Russian).
- Khanin, G. I.* (2014). The economic history of Russia in modern times. The Russian economy in 1992–1998. M. (In Russian).
- Khinshtein, A.* (2007). Berezovsky and Abramovich. Oligarchs on the Road. M. (In Russian).
- Khlebnikov, P.* (2001). The godfather of the Kremlin, Boris Berezovsky or the history of the looting of Russia. M. (In Russian).
- Nechaev, A.* (2010). Russia at the turn. M. (In Russian).
- OECD (1997). Economic reviews. Russian Federation. (In Russian).
- Poptsov, O.* (2000). Anxious dreams of the royal retinue. M. (In Russian).
- Prokhanov, A.* (2002). With Berezovsky in London. *Zavtra*, 50-41. (In Russian).
- Yasin, E. G.* (2002). Russian economy. History and panorama of market reforms. M. (In Russian).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Произошли ли в 1990-е гг. либеральные реформы?

Включение в книгу статьи Авена о «крахе» либеральных реформ в России представляется мне совершенно оправданным. Говоря о времени Березовского, нельзя обойти его социально-экономическое наполнение. Не подвели ли 1990-е гг. итоги не только российской части жизни Березовского, но и либеральных реформ вообще, в рамках которых проходила экономическая и политическая деятельность Березовского и многих авторов книги. Тогда судьба Березовского выглядит закономерной, не определяется только особенностями его личности, притом определяемой коренными пороками либерализма вообще. Авен с таким толкованием категорически не согласен. Почти сразу после дефолта 1998 г. в газете «Коммерсантъ» он опубликовал статью и теперь ее перепечатал ввиду значимости данного вопроса и в настоящее время.

Отмечу для начала, что, несмотря на мои сомнения в отношении некоторых ее положений, статья написана ярко и содержательно, аргументы выстроены логично, в точном соответствии с канонами либерального направления в экономике и хорошим знанием многих реалий российской экономики 1990-х гг. Эти каноны меня самого привлекали в 1960–1980-е гг. И только 1990-е заставили в них усомниться применительно к России.

Авен хочет доказать, что реформы 1990-х гг. в России не отвечали многим признакам либерализма, и поэтому говорить, исходя из экономических неудач тех годов, о провале либерализма вообще неправомерно.

В качестве первого критерия либерализма Авен выбирает размер перераспределения валового внутреннего продукта. Он доказывает, что в России размер этого перераспределения был намного больше, чем в аналогичных по уровню экономического развития странах и чем в бывших социалистических странах Восточной Европы, не говоря уже о Китае (Авен, 2018, с. 763). Так, он утверждает, что «расходы расширенного правительства в 1993–1997 гг. колебались в пределах 42–50% ВВП» (Там же), что действительно намного больше, чем в подавляющем большинстве стран мира. Но фактически расходы расширенного правительства были значительно ниже: 37,2% в 1995 г. и 39,2% в 1996 г. (Экономические обзоры ОЭСР, 1997, с. 70), что, правда, тоже немало. Следует иметь в виду, что вследствие виртуального характера российской экономики 1990-х гг. значительная часть этих расходов носила тоже виртуальный, а не денежный характер.

Более впечатляют многочисленные данные о чрезмерном налоговом бремени в России. Авен вслед за Илларионовым определяет (не указывая года) размер установленной налоговой ставки по сумме налогов в размере чудовищных 60% от ВВП, что «кажется, самая высокая ставка в мире» (Авен, 2018, с. 764). Это ли не самое очевидное свидетельство отсутствия либерализма у реформаторов? Очень трудно было не понять, что такая налоговая ставка для юридических лиц совершенно не посильна хозяйственным субъектам. Трудно было поверить, что Гайдар и его соратники этого не понимали. Но в их воспоминаниях, как это невероятно, я не нашел даже упоминания об этом исключительно важном вопросе (Гайдар, 1996; Нечаев, 2010). Возможно, стыдно было признаваться в очевидном просчете. Все-таки попробую найти некоторые объяснения:

- поспешность. Основные налоговые решения были приняты во второй половине декабря 1991 г., в преддверии нового хозяйственного года и начала реформ без необходимой (но и невозможной) подготовки и обсуждений. Возможно, принимались во внимание огромные инфляционные доходы. Справедливости ради скажу: есть и более низкие оценки номинального налогового бремени в этот период (Ясин, 2002, с. 346);
- уродливость налоговой системы 1990-х гг. состояла не только в величине налогов. Они по-разному облагали различные сферы хозяйственной деятельности. Только для примера: доля фактических налогов к созданной добавленной

стоимости, по моим подсчетам, в 1998 г. составила в преимущественно убыточной промышленности 14,3%, а в чудовищно обогатившихся торговле и общественном питании – 6,9% (Ханин, 2014, с. 608);

- убедительна критика именно с позиций либерализма системы многочисленных льгот в различных областях хозяйственной деятельности (Авен, 2018, с. 765–766). Подробнее о них у Ясина (Ясин, 2002, с. 316–323). Я разделяю возмущение Авена их предоставлением по корыстным мотивам. Допускаю, однако, что иногда они предоставлялись в связи с тяжелейшим положением отдельных хозяйственных субъектов;
- правительство РФ, как и советского государства, сплошь и рядом оказывалось жертвой ошибочной экономической статистики. Самое чудовищное искажение касалось оценки основных фондов, которые занижались во много раз. Вследствие этого практически всю финансовую отчетность компаний можно было выкинуть. Иначе чем вопиющей некомпетентностью руководителей экономического блока тогдашних правительств РФ это нельзя назвать.

Убедителен Авен и в критике прогностических способностей руководителей правительства РФ (Авен, 2018, с. 773).

При всей справедливости критики Авеном различных аспектов экономической политики правительства РФ в 1990-е гг. у меня нет уверенности, что более либеральный экономический курс оказался бы намного более результативным. Либерализму больше всего сопротивлялась структура российской экономики и характер русской власти, нерыночная ментальной подавляющей части населения и ее финансовая безграмотность. Это требовало своеобразных методов реформирования, а не повторения традиционных приемов. Но для этого нужны были гениальные реформаторы, которых не оказалось.

В книге есть еще две статьи Авена. Одна – о важности морали в экономике с критикой вопиющего аморализма хозяйственной практики 1990-х гг. и справедливой увязкой ее с аморализмом советского периода. Другая – трогательные воспоминания о своих бабушках с проекцией на аморализм и хамство многих его современников. Но размер статьи не позволяет проанализировать эти его работы.